

Лучший шпионский роман XX века

Джон Бакен

ТРИДЦАТЬ
ДЕВЯТЬ
СТУПЕНЕЙ

СТОЛЕТИЕ

ФАБУЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Столетие

Джон Бакен

Тридцать девять ступеней

«Ранок»

1915

УДК 82-311.3
ББК 84(4Вл)-44

Бакен Д.

Тридцать девять ступеней / Д. Бакен — «Ранок»,
1915 — (Столетие)

ISBN 978-6-17-094882-3

Имя Джона Бакена (1875–1940) практически не известно украинскому читателю, а ведь он был не только первоклассным писателем, одним из основоположников жанра «шпионского» романа, но и сотрудником британской разведки, а впоследствии видным политическим деятелем, чья карьера завершилась на посту генерал-губернатора Канады. Его первый роман «Тридцать девять ступеней», имевший шумный успех, опубликован в 1915 году, в разгар Первой мировой войны. В нем впервые появляется обаятельный образ Ричарда Ханнея – героя, впоследствии кочевавшего по страницам романов Бакена, а сюжет связан с деятельностью группы немецких секретных агентов на территории Англии и Шотландии. В 1935 году «Тридцать девять ступеней» были впервые экранизированы великим Альфредом Хичкоком, а в 2008 году режиссер Джеймс Хоуз снял современный римейк этой драматической истории.

УДК 82-311.3
ББК 84(4Вл)-44

ISBN 978-6-17-094882-3

© Бакен Д., 1915
© Ранок, 1915

Содержание

Об авторе	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Джон Бакен

Тридцать девять ступеней

© К. А. Беляев, перевод с англ., примечания, 2016

© «Фабула», макет, 2016

© Издательство «Ранок», 2016

Об авторе

Имя Джона Бакена (1875–1940) практически не известно украинскому читателю, а ведь он был не только первоклассным писателем, автором блестящих «шпионских» романов и романов-биографий, но и одним из самых умных, проницательных и дальновидных политических деятелей Великобритании и Канады.

Выходец из семьи шотландского пастора-кальвиниста, Бакен в 1892 году поступил на юридический факультет университета в Глазго, и тогда же начал пробовать силы в литературе. Его статьи, очерки и рассказы охотно печатали популярные английские журналы и газеты. По окончании университета Бакен переехал в Лондон, но вскоре сменил карьеру адвоката на должность секретаря лорда Альфреда Милнера – верховного комиссара империи по делам африканских колоний. В течение двух с половиной лет он сопровождал своего патрона в Южной Африке, в самый разгар Англо-бурской войны (1899–1902), а затем попытал счастья в качестве издателя.

Перед Первой мировой войной Джон Бакен вернулся к журналистике и все военные годы был европейским корреспондентом британской «Таймс».

В это же время он стал секретным сотрудником британской разведывательной службы в чине лейтенанта, и опыт этой работы не прошел для него даром – в 1915 году на свет появился его первый «шпионский» роман «Тридцать девять ступеней», имевший шумный успех. Именно здесь впервые возник обаятельный образ героя, впоследствии кочевавшего по страницам романов Джона Бакена, – Ричарда Ханнея. Среди них и вышедший в 1924 году роман «Три заложника» – один из самых захватывающих сюжетов о похищениях с политической подоплекой и одновременно – впечатляющая панорама нравов и политической жизни Англии до и после кровавой мировой бойни.

В послевоенные годы Джон Бакен занялся политикой, но не оставлял литературу – в это время были опубликованы написанные им несколько романов, биографии Вальтера Скотта, Оливера Кромвеля и Юлия Цезаря, а также очерки о британских колониях в Африке.

В 1927 году писатель был избран в Палату общин. Впоследствии он прославился блестящими речами в защиту шотландской церкви, против антисемитской политики Гитлера и в пользу создания еврейского государства на землях Палестины. Парламентская деятельность принесла Джону Бакену ряд высших наград и титул лорда Твидмурского, а в 1935 году король назначил его генерал-губернатором Канады. В этой должности писатель и оставался вплоть до своей кончины в 1940 году.

«Тридцать девять ступеней» впервые были экранизированы в 1935 году великим Альфредом Хичкоком, затем последовали экранизации в 1959 и 1978 годах, а в 2008 году режиссер Джеймс Хоуз снял современный римейк этой волнующей истории. По мотивам романа создана популярная компьютерная игра.

И в наши дни книги Джона Бакена продолжают выходить на многих европейских языках, внимание читателей к этим замечательным образцам жанра не ослабевает.

Глава 1

Покойник

В тот майский день я вернулся из Сити около трех, испытывая неодолимое отвращение к жизни. Прошло три месяца с тех пор, как я прибыл в старую добрую Англию, и за это время она успела мне до смерти надоесть. Если бы год назад кто-нибудь рассказал мне о моем нынешнем настроении, я, скорее всего, рассмеялся бы ему в лицо – но дело обстояло именно так. Погода меня раздражала, обывательская болтовня опостылела до тошноты; мне не доставало физических нагрузок, а все лондонские развлечения казались пресными, как перестоявшая на солнце содовая. «Ричард Ханней, – повторял я сам себе, – ты явно попал не в ту колею, дружище. Выбирайся, пока не поздно!»

При мысли о планах, которые я строил под конец своего пребывания в Булавайо¹, мне хотелось кусать губы от досады. Я скопил некоторую сумму – не огромную, но по моим меркам вполне приличную – и заранее предвкушал разнообразные удовольствия, которым собирался предаться в Лондоне. Мой отец увез меня из Шотландии, когда мне было всего шесть лет, и с тех пор я ни разу не бывал на родине; неудивительно, что Англия казалась мне чем-то вроде сказки из «Тысячи и одной ночи», и я рассчитывал осесть там до конца своих дней.

Но жизнь в Англии быстро меня разочаровала. Всего за неделю я устал от созерцания достопримечательностей; меньше чем за месяц пресытился ресторанами, театрами и скачками. Возможно, моя хандра объяснялась тем, что я так и не обзавелся добрым приятелем, готовым разделить со мной досуг. Многие приглашали меня в гости – но, кажется, только затем, чтобы задать два-три ничего не значивших вопроса о Южной Африке и тут же перейти к обсуждению собственных дел. Дамы – поборницы имперской идеи – то и дело звали меня на чаепития со школьными директорами из Новой Зеландии или газетчиками из Ванкувера; такие собрания бывали особенно несносны. Здоровый телом и душой тридцатисемилетний мужчина со средствами, вполне достаточными для беззаботного времяпрепровождения, я только и делал, что дни напролет зевал от скуки. Дошло до того, что я почти решился бежать и вернуться в свой вельд², полагая себя самым скучающим подданным Соединенного Королевства.

В тот день, возвращаясь домой после разноса маклерам по поводу моих вложений, который я устроил просто для того, чтобы чем-нибудь занять мозги, я заглянул в свой клуб или, вернее сказать, кабачок, обслуживавший выходцев из колоний. Я потягивал пиво и читал вечерние газеты. Все они наперебой сообщали о конфликте на юго-востоке Европы; в одной из них мне попалась на глаза статья о греческом премьер-министре Каролидесе. Пожалуй, мне нравился этот парень. Судя по тому, что о нем говорилось, он был единственной по-настоящему значительной фигурой во всем балканском спектакле. Кроме того, он вел честную игру, чего нельзя было сказать о большинстве остальных. Насколько я понял, в Берлине и Вене его ненавидели черной ненавистью, тогда как мы, наоборот, собирались поддержать – одна из газет даже объявила Каролидеса «последним барьером на пути Европы к Армагеддону».

Я вспомнил, как раздумывал о том, смогу ли получить работу на Балканах. А еще мне пришлось в голову, что Албания – явно не то место, где пришлось бы зевать и скучать.

Около шести вечера я зашел домой и переоделся, после чего поужинал в кафе «Ройял» и заглянул в мюзик-холл. Представление с участием женщин, резво скакавших по сцене, и мужчин с обезьяньими физиономиями было донельзя глупым, и я поспешил уйти. Безмятеж-

¹ Город на территории владений Британской Южно-Африканской компании, основанный в 1893 году. Второй по величине город современного Зимбабве.

² Травянисто-кустарниковая саванна в Южной Африке.

ным ясным вечером я пешком возвращался на Портленд-Плейс³, где снимал квартиру. По тротуарам мимо меня сновали взад-вперед погруженные в свои заботы, болтавшие о своих делах люди, и я завидовал им, потому что все были чем-нибудь заняты. У всех продавщиц, клерков, денди и полисменов был некий интерес в жизни, поддерживавший их на житейской стезе. Я подал полкроны уличному попрошайке, увидев, как тот зевнул: он был моим собратом по несчастью. Выйдя на Оксфорд-Серкус⁴, я поднял глаза к весенним небесам и поклялся самому себе, что если в течение следующих суток старая добрая Англия не найдет, наконец, чем меня развлечь, я куплю билет на ближайший пароход в Кейптаун.

Моя квартира находилась на втором этаже дома в новом квартале за Лангам-Плейс. В доме была общая парадная лестница с портье и лифтером при входе, но не было ни ресторана, ни других подобных заведений, а на каждую лестничную площадку выходила только одна квартира. Я терпеть не могу домашней прислуги, поэтому за квартирой в мое отсутствие присматривал мой знакомый, приходивший ежедневно к восьми утра и уходивший в семь вечера: сам я никогда не обедал дома.

Не успел я вставить ключ в дверной замок, как увидел рядом с собой человека. Я не заметил, как он подошел – его неожиданное появление заставило меня вздрогнуть. Он был худощав, с каштановой бородкой и буравящим взглядом маленьких голубых глаз. Я узнал в нем жильца квартиры, располагавшейся этажом выше: до этого мы раз или два обменялись приветствиями, случайно встретившись на лестнице.

– Могу я с вами поговорить? – спросил он. – Вы позволите войти?

Ему стоило заметных усилий подавить волнение в голосе, а его рука вцепилась в мое запястье.

Я открыл дверь и жестом пригласил его. Едва переступив порог, он бросился к задней комнате, служившей мне курительной и кабинетом, и тут же метнулся обратно.

– Дверь заперта? – лихорадочно спросил он, сам закрывая ее на цепочку. – Простите мою бесцеремонность, но именно вы показались мне человеком, который сможет меня понять. Я думал о вас всю неделю – с тех пор, как все понеслось под откос. Скажите, не могли бы вы оказать мне одну услугу?

– Я готов вас выслушать, – сказал я. – Это все, что я могу вам обещать. – Меня начинало раздражать нелепое поведение этого дерганого коротышки.

На столике рядом с ним стоял поднос с напитками. Мой посетитель схватил одну из бутылок, налил себе виски, добавил содовой, осушил стакан в три глотка и стукнул им о стол с такой силой, что стекло треснуло.

– Простите, – сказал он, – нервы ни к черту. Видите ли, вышло так, что в этот самый момент меня уже нет в живых.

Я сел в кресло закурил трубку.

– И каково это? – спросил я его. Я был почти уверен, что имею дело с сумасшедшим.

На его измученном лице мелькнула тень улыбки.

– Я не спятил... Пока что. Говорю вам, сэр, я наблюдал за вами и считаю вас здравомыслящим человеком. Кроме того, я уверен, что вы порядочны и не боитесь рисковать. Я готов вам довериться. Мне отчаянно нужна помощь, и я хочу точно знать, могу ли я на вас положиться.

– Выкладывайте, – сказал я, – там видно будет.

³ Улица в районе Мэрилебон в Центральном Лондоне. В начале XX века здесь был сосредоточен целый ряд посольств, главных офисов крупных компаний и фешенебельных особняков британской знати. В доме номер 76 (ныне снесен) с 1912 по 1919 год проживал сам Джон Бакен, и здесь же он «поселил» своего героя Ричарда Ханнея.

⁴ Площадь в центре Лондона, образованная перекрестком Оксфорд-стрит и Риджент-стрит. С 1900 года – также одноименная станция Лондонского метро.

Собравшись с духом, он начал свой рассказ – настолько странный и несуразный, что сначала я мало что понимал и был вынужден то и дело перебивать рассказчика. Впрочем, вот суть его монолога в двух словах.

Мой гость был американцем из Кентукки. По окончании колледжа, не испытывая недостатка в средствах, он решил повидать свет. Пытался писать, работал военным корреспондентом одной из чикагских газет, прожил несколько лет в Юго-Восточной Европе. Я решил, что он хороший лингвист и неплохо изучил тамошнее общество: он говорил как о близких знакомых о множестве людей, чьи имена я встречал в газетах.

Он увлекся политикой: сначала из чистого любопытства, а потом уже не мог остановиться. Я понял, что имею дело с въедливым и неутомимым типом – из тех, что всегда хотят докопаться до самых корней. И он явно копнул несколько глубже, чем собирался.

Я делюсь с вами тем, что смог уяснить из его сбивчивого рассказа.

Наряду с законными правительствами и армиями существует обширное тайное движение, возглавляемое крайне опасными людьми. Мой собеседник узнал о нем случайно. Расследование увлекло его; он зашел дальше, чем следовало, и угодил в западню. Если я правильно понял, основную массу подполья составляли образованные анархисты-революционеры, но были и дельцы, игравшие в эту игру только ради денег. Умный человек, играя на понижение, может заработать огромные барыши; и неудивительно, что перессорить между собой народы Европы входило в интересы и тех и других.

Вместе с тем странный рассказ незваного гостя открыл мне глаза на многое из того, что до сих пор ставило меня в тупик: почему события на Балканах приняли столь трагический оборот, каким образом одно государство неожиданно возвысилось над другими, почему возникали и распадалась военные союзы, почему исчезали некоторые люди и откуда поступали средства на содержание подпольных структур. Конечной целью заговора было натравить друг на друга Россию и Германию.

На мой вопрос «зачем?» он ответил, что, по мнению представителей анархического крыла, это дало бы им долгожданный шанс. Европа превратилась бы в клочковатый котел, из которого, как они надеялись, мир вышел бы полностью обновленным. Дельцы – те просто загребали бы золото лопатой и сколачивали состояния на оптовой скупке обломков. У капитала, сказал он, нет ни совести, ни отечества. Кроме того, сообщил он, за всем этим стоит человек, до зубовного скрежета ненавидящий Россию.

– Вас это удивляет? – воскликнул он. – Он из тех, кого преследовали триста лет: и теперь, по его мнению, пришло время отомстить за погромы. Да, это еврей, но чтобы увидеть его, вам придется спуститься по длинной потайной лестнице в глубокое подземелье. Вот вам пример: возьмите любой крупный немецкий концерн. Если вы вздумаете заключить с ним сделку, первым, кто вас встретит, будет князь фонцу-такой-то – элегантный молодой человек, говорящий по-английски как выпускник Итона и Харроу. Но это всего лишь ширма. Если дело у вас серьезное, вы идете дальше и попадаете к какому-нибудь вестфальцу с черепом питекантропа, челюстью бульдога и манерами борова. Это немецкий коммерсант – тот, что вечно нагоняет страху на ваши английские газеты. Но если вы сами владелец фирмы и намерены потолковать с настоящим боссом, ставлю десять против одного, что вас проведут к бледному еврейскому джентльмену, передвигающемуся в кресле-каталке и обладающему взглядом гремучей змеи. Да, сэр, именно подобный человек правит современным миром, и именно он вот-вот всадит нож в спину Российской империи за то, что его тетку обесчестили, а отца высекли в каком-нибудь захолустном городке на Волге.

Я не смог удержаться и скептически заметил, что в таком случае упомянутые им анархисты, похоже, останутся не у дел.

– И да и нет, – сказал он. – Они уже одержали частичную победу, но их целью было нечто гораздо большее, чем деньги: пробудить древние, самые примитивные воинственные

инстинкты человека. Когда тебя хотят уничтожить, ты выбираешь флаг и страну, за которые стоит сражаться, и, если выживешь, действительно начинаешь их любить. Тупая солдатня нашла то, что могла бы беречь и защищать, и это расстроило самый сложный план, составленный в Берлине и Вене. Но мои заклятые друзья еще не разыграли свою последнюю карту. Они припрятали туз в рукаве, и если мне не суждено умереть в ближайший месяц, намерены зайти с этого туза – и выиграть партию!

– А я-то думал, что вы уже умерли, – вставил я.

– *Mors janua vitae*⁵, – усмехнулся он, и я узнал цитату: пожалуй, ею и ограничивалось мое знакомство с латынью. – За тем, чтобы умереть, дело не станет, но сначала я должен вам многое рассказать. Если вы заглядываете в газеты, то вам, вероятно, знакомо имя Константиноса Каролидеса?

Я насторожился, потому что читал о Каролидесе всего несколькими часами раньше.

– Это тот, кто постоянно портит им игру. Каролидес – единственный светлый ум во всем этом балагане и, кроме того, просто порядочный человек. Именно поэтому его взяли на мушку еще год назад. Я выяснил это, в общем, без особого труда; об этом мог бы догадаться любой дурак. Но я узнал к тому же, как именно они собираются его убить, и это знание оказалось смертельно опасным для меня. Вот почему мне пришлось умереть.

Он опять налил себе виски, и я сам добавил ему содовой – меня начинал занимать этот малый.

– Они не могут достать его в Греции, потому что там его охраняет эпирская стража⁶, готовая спустить шкуру хоть с самого черта. Но пятнадцатого июня Каролидес прибывает в Лондон. Британское министерство иностранных дел завело обычай устраивать международные чаепития, и крупнейшее из таких чаепитий намечено как раз на этот день. Каролидес считается главным гостем, и если моим «друзьям» удастся задуманное, ему не суждено будет вернуться домой.

– Нет ничего проще, – заметил я. – Можно предупредить его, чтобы не приезжал.

– И сыграть на руку врагам? – спросил он резко. – Если Каролидес не приедет, они окажутся в выигрыше, потому что он единственный, кто может распутать этот клубок. А если предупредить его правительство, он опять-таки не приедет, потому что не знает, как высоки будут ставки пятнадцатого июня.

– А как насчет британского правительства? – спросил я. – Не допустит же оно, чтобы его гостей убивали среди бела дня! Намекните ему, и оно усилит меры безопасности.

– Нет смысла. Даже если они наводнят Лондон сыщиками в штатском и удвоят количество патрульных, Каролидес все равно обречен. Мои «друзья» играют по-крупному. Им нужен масштабный повод, спектакль на глазах у всей Европы. Каролидеса убьет австриец, и все улики укажут на то, что убийство было совершено с одобрения первых лиц в Берлине и Вене. Все это, разумеется, чудовищная ложь, но тем охотнее в нее поверит весь мир. Это не пустая болтовня, друг мой. Случилось так, что мне стал известен весь их дьявольский план в мельчайших подробностях, и уверяю вас – затевается самое гнусное злодейство со времен Борджиа⁷. Но у них ничего не выйдет, если пятнадцатого июня здесь, в Лондоне, будет находиться человек, осведомленный об истинной подоплеке происходящего, и этот человек – ваш покорный слуга Франклин П. Скаддер.

⁵ Смерть – врата жизни (*лат.*).

⁶ Эпир – область на северо-западе Греции. В ходе Первой мировой войны провозглашалась автономной республикой.

⁷ Семья Борджиа, подарившая католическому миру в XV–XVI вв. двух пап и более десятка кардиналов, осталась в истории олицетворением алчной жестокости, превратившей церковную политику этого времени в череду подлых убийств.

Мне положительно начинал нравиться этот коротышка. Его челюсть захлопнулась, как крысоловка; глаза-буравчики горели воинственным огнем. Если он меня и разыгрывал, то исполнял свою роль мастерски.

– Откуда вы все это узнали? – спросил я.

– На первые подозрения меня натолкнул разговор, случайно подслушанный в тирольской гостинице на Ахензее⁸. Это побудило меня потянуть за ниточку, и следующие доказательства я добыл в меховом магазинчике в галицийском квартале Буды⁹, в венском Клубе скитальцев и в книжной лавке в окрестностях Раквицштрассе в Лейпциге. Последние улики были найдены и приобщены к делу десять дней назад в Париже. Сейчас я не могу посвятить вас в подробности – оставим их будущим историкам. Трезво оценив обстоятельства, я решил, что сейчас мне следует исчезнуть, и добрался до Лондона, предварительно совершив непростой отвлекающий маневр. Я выехал из Парижа молодым франтоватым франко-американцем, затем отплыл из Гамбурга под видом еврейского торговца бриллиантами. В Норвегии я стал английским специалистом по Ибсену, собиравшим материал для лекций; покидая Берген, превратился в постановщика документальных фильмов о лыжном спорте. А сюда я прибыл из Литы¹⁰ с полными карманами предложений о поставках балансовой древесины для бумажных фабрик. До вчерашнего дня я был уверен, что неплохо замел следы, и чувствовал себя вполне безопасно. Но вдруг.

Воспоминание явно расстроило его, и он отхлебнул еще виски.

– Вдруг я увидел человека, стоявшего на улице рядом с этим домом. Я целые дни проводил взаперти, выходил тайком, после наступления темноты, и проводил вне дома не больше одного-двух часов. Я понаблюдал за этим человеком из окна, и, кажется, узнал его. Он вошел в подъезд и заговорил с портье. А возвращаясь домой вчера вечером, я обнаружил у себя в почтовом ящике визитную карточку. На ней значилось имя господина, встретиться с которым я хочу меньше всего на свете.

Взгляд моего собеседника и неподдельный страх на его лице окончательно убедили меня в том, что он не лжет. Мой собственный голос слегка дрогнул, когда я спросил Скаддера, как он поступил дальше.

– Я понял, что влип, как муха в клейстер. Поэтому у меня оставался один выход: я должен был умереть. Только тогда мои преследователи успокоятся.

– И как вам это удалось?

– Я сказал слуге, который чистит мою одежду, что мне совсем худо, и сделал вид, будто вот-вот отдам концы. Это было нетрудно: мне прекрасно удастся такого рода маскарад. Затем я раздобыл труп – этого добра в Лондоне всегда хватает, если точно знаешь, где искать. Я привез его с собой в ящике на крыше извозчичьей кареты; мне пришлось прибегнуть к посторонней помощи, чтобы занести ящик наверх, в мою комнату. Сами понимаете, я должен был обеспечить следствие надлежащими уликами. Я улегся в постель и велел слуге подать мне снотворное, после чего отпустил его на все четыре стороны. Он хотел сбежать за доктором, но я прикрикнул на него, заявив, что терпеть не могу медиков. Чистильщик ушел, и я принялся готовить труп к предназначенной ему роли. Мертвец был моего роста и отправился на тот свет, насколько я мог судить, от злоупотребления алкоголем, поэтому я расставил вокруг кровати на расстоянии вытянутой руки несколько бутылок со спиртным. Челюсть портила сходство – пришлось отстрелить ее из револьвера. На следующий день кто-нибудь обязательно станет клясться, что слышал выстрел, но на этаже у меня соседей нет, и я счел возможным пойти на такой риск. Итак, я оставил тело на кровати – одетым в мою пижаму, с револьвером, валяющимся поверх

⁸ Горное озеро в Австрийском Тироле.

⁹ Западная часть Будапешта (до 1873 года – самостоятельный город).

¹⁰ Город в Шотландии на берегу залива Ферт-оф-Форт (с 1920 года – северный район и порт Эдинбурга).

одеяла, посреди комнаты, приведенной в крайний беспорядок. Затем я надел костюм, заранее приготовленный на такой случай. Я не стал бриться из опасения наследить; кроме того – теперь и речи не могло быть о том, чтобы появиться на улице. До этого я весь день думал о вас, и пришел к выводу, что у меня, похоже, просто не оставалось другого выхода, кроме как обратиться к вам. Сидя у окна на лестничной площадке, я дождался вашего возвращения и спустился вниз, чтобы столкнуться с вами на лестнице. Вот и все, сэр. Думаю, теперь вы знаете обо всем этом столько же, сколько и я.

Он сидел передо мной – мигающий, как сова, вздрагивающий от волнения и, несмотря ни на что, полный отчаянной решимости. Все это звучало совершенно дико, но мне не раз приходилось слышать невероятные истории, впоследствии оказывавшиеся чистой правдой, и я взял за правило судить не столько о рассказе, сколько о самом рассказчике. Если б он хотел обосноваться в моей квартире, а потом перерезать мне глотку, он придумал бы что-нибудь более правдоподобное.

– Дайте мне ключ, – сказал я, – я хочу взглянуть на труп. Прошу прощения, но должен же я как-то проверить ваши слова.

Он горестно покачал головой.

– Я знал, что вы об этом попросите, но ключа у меня нет. Он на моем брелоке на туалетном столике. Я должен был оставить его там, чтобы не дать ни малейшего повода для подозрений. У тех джентльменов, что идут по моему следу, очень внимательный взгляд. Вам придется поверить мне на слово до утра, после чего, уверяю вас, вы получите самые убедительные доказательства того, что труп и в самом деле лежит наверху.

Я задумался на несколько секунд.

– Хорошо. До утра так до утра. Я запроу вас в этой комнате и оставлю ключ у себя. И вот еще что, мистер Скаддер: я верю, что вы говорите правду, но если окажется, что это не так, лучше бы вам помнить, что я весьма умело обращаюсь с пистолетом.

– Разумеется, – сказал он, вскакивая. – Не имею чести знать, как вас зовут, сэр, но вы благородный человек. Буду признателен, если вы ненадолго одолжите мне бритву.

Я отвел его в спальню и оставил одного. Через каких-нибудь полчаса из дверей спальни показалась фигура, которую я едва узнал. От прежней внешности Скаддера остались только колючие, голодные глаза. Он чисто выбрил подбородок, разделил волосы на прямой пробор и подстриг брови. Держался он так, будто только что вернулся со строевых учений на плацу, и вообще выглядел как самый настоящий – вплоть до характерного тропического загара – британский офицер, полжизни прослуживший в Индии. В довершение всего он вставил в глаз монокль, а когда снова заговорил, из его речи исчезли даже ничтожные следы американского акцента.

– Бог ты мой! Мистер Скаддер. – запинаясь, пробормотал я.

– Не мистер Скаддер, – поправил он, – а капитан Теофил Дигби, сороковой полк гуркхских стрелков¹¹, на побывке в Лондоне. Буду признателен, если вы это запомните, сэр.

Я постелил ему в курительной, а сам улегся на диване – в гораздо более бодром расположении духа, чем в течение всего этого месяца. Что ни говори, а даже в этом богом забытом мегаполисе иногда случаются удивительные вещи.

На следующее утро я проснулся оттого, что старина Паддок, явившийся ни свет ни заря, разоряется во весь голос, стоя у двери курительной. Когда-то я спас ему жизнь на Себакве¹², и с тех пор, как я вернулся в Англию, ему взбрело в голову сделаться моим добровольным слугой. Способностей к обходительной беседе у него было не больше, чем у гиппопотама, особого

¹¹ Гуркхи – британские колониальные войска, сформированные из непальских добровольцев.

¹² Река в Зимбабве.

толку от его стирки и утюжки тоже не наблюдалось, зато я знал, что могу рассчитывать на его абсолютную преданность.

– Хватит шуметь, Паддок, – сказал я. – Там мой друг, капитан. Капитан. – Я так и не смог вспомнить имя моего гостя. – Он временно остановился у меня. Приготовь завтрак на двоих и зайди ко мне, я хочу с тобой поговорить.

Затем я поведал Паддоку дивную историю о том, что мой друг – важная персона, имеющая отношение к правительству, что его нервы расстроены от переутомления и ему требуются абсолютный покой и тишина. Никто не должен знать, что он здесь, иначе его немедленно завалят сообщениями из министерства по делам Индии и канцелярии премьер-министра, и его лечение будет безнадежно погублено.

Надо сказать, что Скаддер, выйдя к завтраку, блестяще подыграл этой импровизации. Он, как заправский британский офицер, вперил в Паддока свой монокль, задал ему пару вопросов об англо-бурской войне¹³ и тут же стал сыпать градом фамилий наших вымышленных приятелей. Паддок так и не выучился называть меня «сэр», зато Скаддера стал именовать «сэром» с таким усердием, будто от этого зависела его жизнь.

Я оставил Скаддера с газетой и коробкой сигар и до обеда отправился в Сити. Когда я вернулся, лифтер сообщил мне с многозначительным лицом:

– Выходит так, что у нас тут с утра неважные дела, сэр. Джентльмен из пятнадцатой – того. возьми и застрелись. Только что свезли в покойницкую. Полиция уже там, наверху.

Я поднялся к квартире номер пятнадцать. Там я обнаружил двух полисменов и инспектора, занятых осмотром места происшествия. Я задал им пару дурацких вопросов, и вскоре меня прогнали. Тогда я нашел слугу, чистившего одежду Скаддера, и попытался выжать из него все, что тот мог знать, хотя с первого взгляда было ясно, что он ни о чем понятия не имел. Это был жалкий человечек с плаксивым голосом и кладбищенским выражением лица; чтобы его утешить, вполне хватило полукроны¹⁴

¹³ Англо-бурская война (1899–1902) – война бурских республик (Южно-Африканской республики и Оранжевого Свободного государства) против Британской империи, закончившаяся победой последней.

¹⁴ Крона – монета в 5 шиллингов (1/20 фунта стерлингов, или 12 пенсов).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.